

G. Tukay's poetry: the Aspects of National Identity

[Поэзия Г.Тукая: аспекты национальной идентичности]

Venera R. Amineva – Marsel I. Ibragimov – Elvira F. Nagumanova –
Alsu Z. Habibullina

DOI: 10.18355/XL.2015.08.01.79-87

Аннотация

В данной статье определяются теоретические аспекты понятия «национальная идентичность» в художественной литературе. Устанавливается познавательный потенциал рецептивной эстетики и субъектно-системного метода в изучении национальной идентичности. На примере стихотворений Г. Тукая продемонстрированы роль субъектной организации произведения в выражении идентичности, явления смысловой интерференции и непереводимости.

Ключевые слова

национальная идентичность, субъектная организация произведения, смысловая интерференция, непереводимость, Г. Тукай

Введение

В конце XX – нач. XXI вв. в компаративистике значительно возрастает интерес к проблеме литературной идентичности (*Identité littéraire*, 2000; Douglas, 2007; Davidson, 2013). В современной российской компаративистике это понятие конкурирует с традиционным для нее «национальным своеобразием», вытесняя последнее из активного научного употребления. Такая ситуация обусловлена кризисом сравнительного литературоведения в России (рефлексии по поводу кризиса компаративизма характерны и для европейских ученых. См.: Madelenat, 2000), сопровождающимся утратой доверия к традиционной понятийности и активным освоением понятийного аппарата «западной» компаративистики. Одновременно российские ученые ставят вопрос о различии понятий «национальное своеобразие литературы» и «национальная идентичность» (Kormilov, 2007; Safiullin, 2010: 30).

В отличие от своеобразия литературы, которое обнаруживает себя в специфических для отдельных национальных (региональных) литератур образах, формирующих национальные картины мира (Gachev, 1998), типах героев, символах, мифологемах, идентичность проявляется в ситуации «столкновения» двух литератур, обнаруживающем точки контраста между ними. Эти точки возникают по причине глубинных языковых и культурных различий между литературами. Они проступают в процессе восприятия литературных произведений (читателями, переводчиками) как смысловые трансформации.

В литературном произведении как «замкнутой» системе идентичность проявляется в отношениях автора к герою и раскрывается в системе субъект-объектных отношений. Эти отношения, с одной стороны, предопределены родовой принадлежностью произведений, с другой – специфичными для отдельных национальных культур представлениями об отношениях между субъектом и объектом.

Выделенные теоретические аспекты национальной идентичности в литературе в данной статье будут рассмотрены на примере стихотворений

Г. Тукая «Milli moŋnar» («Национальные мелодии»), «Täässer»¹, «Tugan avy!» («Родная деревня»), «Közge zillär» («Осенние ветры»).

Методы

Исследование национальной идентичности в переводе делает перспективным обращение к рецептивной эстетике. Один из ее основателей, В. Изер, указывает на диалектическую природу чтения, в процессе которого взаимодействуют «горизонт ожидания» читателя и горизонт автора. Результатом такого взаимодействия являются участки смысловой неопределенности, открывающие, по мнению немецкого ученого, возможность читателю для самоидентификации (Iser, 1976).

При «столкновении» с «чужим» текстом, читатель восполняет участки смысловой неопределенности, основываясь на жизненном и читательском опыте, сформировавшемся в рамках своей культуры. Этот процесс может рассматриваться как смысловая интерференция, когда читатель, формирует смыслы, основываясь на процедурах смыслопорождения, характерных для его культуры.

Современные ученые ставят вопрос о непереводаемости как о явлении, имеющем отношение не к личному опыту, сознанию, а к бытию, т.е. о возможности ее объективации (Smirnov, 2010: 37-54). Она (непереводаемость) обнаруживает себя в «точках несоприкосновения» языков, «моментах контраста», в которых «языки ведут себя принципиально различным образом, так, что между ними нельзя найти контакт» (Smirnov, 2010: 39). Наличие таких «точек» обусловлено не различием языков, а различиями в устройстве мышления их носителей.

Второй теоретический аспект (национальная идентичность в литературном произведении как «замкнутой» системе) актуализирует возможности теории автора, разрабатывавшейся в российском литературоведении XX века (М. Бахтин, Б. Корман и др.).

Авторское сознание раскрывается в произведении через субъект-объектные отношения, главным из которых является отношение автора к герою, определяемое М. Бахтиным как «внеаходимость» (Bakhtin, 1986). В лирике это отношение «нераздельности/неслиянности» (Broytman, 2003: 421-467).

Исследование субъектной организации произведения – один из путей определения идентичности. Возможности субъект-объектного анализа демонстрируются на примере стихотворения Г. Тукая «Milli moŋnar» («Национальные мелодии»).

Основная часть

Процесс самоидентификации может быть предметом изображения, определяя особенности организации субъектной сферы произведения. Так, в стихотворении «Milli moŋnar» («Национальные мелодии») Г.Тукай дает художественно-эстетическую трактовку понятия «*моŋ*»² – одного из

¹ Стихотворение написано как подражание «Молитве» Лермонтова. Название стихотворения – арабское заимствование *täässer* переводится на татарский язык как *sizeem*, *sizemläü* (чутье, ощущение) и означает ощущение, влияния какой-либо вещи, явления. Очевидно, что Г.Тукай в своем названии указывает на ощущения (переживания), связанные с чтением Корана.

² *Моŋ* – понятие, определяющее «национальный колорит татарской духовной культуры, специфическую черту мироощущения, эмоциональное состояние

национально-специфичных концептов татарской культуры, показывая, какое воздействие оказывает песня «Ellyuki»¹ на лирического героя. В этом произведении складывается качественно иная субъектная ситуация: автономности субъектов и способности повествователя включить в себя голоса «других» противопоставляется субъектный синкретизм. Лирический герой Г.Тукая, исполнитель песни «Ellyuki», и народ, сложивший ее, образуют особую субъектную целостность, которая отличается такими чертами, как нераздельность «я» и «другого», «я» и «мы», отсутствие между ними субъектных границ. М.И.Ибрагимов, исследующий процессы национально-культурной идентификации на материале татарской поэзии XX в., приходит к выводу: «Так, в стихотворении Г.Тукая «Milli tonlag» («Национальные мелодии») идентификация представляется как резонанс между внутренним миром лирического героя и татарской мелодией «Ellyuki» («Эллюки»). Душа лирического героя, словно камертон, откликается на народную мелодию, которая рождает в нем чувство сопричастности национальному» (Ibragimov, 2013: 151).

Голос одного конкретного человека, в данном случае исполнителя песни, становится голосом целого – «души татарского народа»: «*Özlep- özlep kenä äytep birä / Tatar küñle nilär sizgäne*» («Она (песня) страстно говорит о том, / Что чувствует душа татар» (Подстрочный перевод)) (Tukey, 2011: 59).

С другой стороны, между лирическим героем и «душой народа» устанавливаются экзистенциальные отношения тождества, единства, взаимопроникновения.

В стихотворении несколько семантических центров, обозначенных как «*min*» («я»), «*beräü*», «*žyrlauchy*» («кто-то», исполнитель песни), «*bez*» («мы»), «*bezneñ khalyk*» («наш народ»). Высказывание от «я» сменяется во второй строфе точкой зрения «мы». Затем вновь происходит переход от «мы» к «я». Субъектная метаморфоза отражает процесс самоидентификации лирического героя.

С одной стороны, с «*ton*» связаны глубоко личные переживания человека. Ч.Бахтиярова подчеркивает, что это слово не имеет идентичного выражения в русском языке: «Объяснить его можно как “язык души”, выражение в напевах самых сокровенных задушевных чувств простых людей» (Bakhtiarova, 1964: 227). Разные мысли («*uylar törle- törle*»), которые рождаются под влиянием бесконечно жалобной, печальной мелодии («*ällä nindi zarly, monly köy*»), отражают момент самоуглубления и характеризуют «я» во всей конкретности его индивидуально-личного бытия: «*Ishettem min kichä: beräü žyrlüy / Chyn bezneñchä matur, milli köy; / Bashka kilä uylar törle- törle — / Ällä nindi zarly, monly köy*» («Слышал я вчера: поет один / По-настоящему нашу,

сдерживаемой печали, выражающееся в варьировании оттенков основной интонации» (Tatarskiy, 1999: 365). А.М.Галиева и Э.Ф.Нагуманова подчеркивают, что *ton* – «это не столько переживание боли и утраты, сколько глубоко внутреннее состояние часто беспричинной тоски и печали, которые имеют подсознательную природу и проявляются наиболее остро в моменты душевных томлений» (Galieva – Nagumanova, 2013: 247).

¹ Стихотворение имеет подзаголовок ««*Zöläylük köenä*» («На мелодию песни "Зиляйлюк")». Такой же подзаголовок имеет и стихотворение "Eshtän chygarylğan tatar kuzyna" ("Обманутой татарской девушке"). «Зиляйлюк» - протяжная татарская песня, которая была одной из любимых мелодий Тукая.

национальную мелодию; / В голову приходят разные мысли, – / Печальная, грустная мелодия» (Подстрочный перевод)) (Тукай, 2011: 59).

Но, с другой стороны, жалобная, печальная мелодия выражает то общее, что свойственно внутреннему миру всех представителей этноса – общее в мировосприятии, жизненной позиции, идейно-эмоциональных реакциях на явления действительности: «“Моя” ... служит обобщенным художественным выражением эмоционального восприятия народом своей жизни» (Bakhtiarova, 1964: 227). Родовое сознание людей, испытывающих трехсотлетний гнет и размышляющих о своей судьбе, сливается с сознанием личности, концентрирующей в своем внутреннем мире эмоционально-психологический опыт «мы» народа: «*Özlep-özlep kenä äytep birä / Tatar küñle nilär sizgäne; / Meskin bulyp torgan öch yöz elda / Täk”dir bezne nichek izgänen*» («Она (песня) страстно говорит о том, / Что чувствует душа татар; / Как на протяжении трехсот несчастных лет / Давила нас судьба» (Подстрочный перевод)) (Тукай, 2011: 59).

Наконец, субъект речи из слушателя, внеположного бытийной ситуации, превращается в ее действующее лицо, становится субъектом переживания душевной боли и страдания: «*Küpme mikhñät chikkän bezneñ khalyk, / Küpme küz yash’läre tügelgän; / Milli khislär belän yalkynlanyp, / Syzlyp-syzlyp chyga küñlennän*» («Все горе, пережитое нашим народом, / Все пролитые им слезы, / Озаренные национальным чувством, / Протяжно выходят из его (исполнителя песни) души» (Подстрочный перевод)) (Тукай, 2011: 59).

Вся сущность общего бытия народа и истории сосредоточивается в личности лирического героя стихотворения. Такое бытийно-субъектное взаимопроникновение «я» и «мы» приводит к преодолению линейного времени человеческой жизни и ее пространственно-материальной ограниченности. Единение «я» с «мы» – с окружающим, близким и отдаленным, общим, стирает пределы свершившегося и возможного, осуществляя прорыв в иной мир: «*Khäyran bulyp žyrny тыñlap tordym, / Tashlap tübän dön’ya uylaryn; / Küz aldynda kürgän töсле byldym / Bolgar häm Agyudel buylaryn*» («Я изумленно слушал, / Забыв о повседневных мыслях; / Передо мной, словно видения, / Возникали Булгар и берега Агидели» (Подстрочный перевод)) (Тукай, 2011: 59).

«Нераздельность» «я» и «мы» в стихотворении Г.Тукая тем не менее не приводит к интегральности образа лирического субъекта и отказу от изображения его как замкнутой и определенной личности. «Неслиянность» в субъекте речи «я» и «другого» (певца, носителя народного сознания) акцентирована в финальных строчках: «*Tüzälmädem, bardym žyrlauchyga, / Didem: «Kardäsh, bu köy nindi köy?» / Žavabynda millättäshem miña: «Bu köy bula, dide, – “Ällüki!”*» («Не вытерпел я, подошел к певцу, / Спросил: «Послушай, брат, что это за песня?» / Мой соплеменник мне ответил: «Эта песня - Эллюки» (Подстрочный перевод)) (Тукай, 2011: 59).

Таким образом, субъект речи, совмещающий в себе голоса «других» до полного слияния и неотделимости друг от друга, в то же время остается самим собой.

Потенциал понятий «смысловая интерференция» и «непереводимость» в изучении национальной идентичности рассмотрим на примере стихотворений Г. Тукая «Täässer», «Tugan avul» («Родная деревня»), «Közge žillär» («Осенние ветры»).

Проблема непереводимости возникает тогда, когда между представителями разных культур много точек несоприкосновения, когда они демонстрируют несводимые один к другому способы осмысливания мира. Как отмечал представитель рецептивной эстетики В. Изер, в процессе чтения

читатель может «втягиваться» в текст таким образом, что исчезает дистанция между ним и автором произведения, в то же время происходящее в процессе чтения («выстраивание смысла») текста обнаруживает и участки «смысловой неопределенности» (Iser, 1976). Одним из вариантов смысловой незаполненности становится неперебиваемое. Переводчик заполняет ее тем, что соответствует его читательскому и жизненному опыту, тем самым идентифицируя себя с другой по отношению к переводимому тексту культурой.

«Täässer» является вольным переводом на татарский язык известного стихотворения Лермонтова «Молитва». Исследователи отмечают, что в «Молитве» с «психологической и поэтической проникновенностью передано состояние душевной просветленности», которое «контрастно противопоставлено «грудной минуте жизни», обычному для лирического героя Лермонтова настроению тяжелой рефлексии и скептицизма». «Вместе с тем «святая прелесть» слов «чуждой» молитвы предстает и как вообще власть слова над человеком – «сила благодатная» «слов живых», - что сближает молитву со стихотворением «Есть речи – значенье», воспевающим могущество «из пламя и света рожденного слова» (Zhizina, 1981: 283).

В переводе Тукая этот смысл не выражен: состояние душевной просветленности, воодушевления лирического героя предстает как религиозная коммуникация, завершающаяся поклонением Богу (Аллаху): «*Khoday! sin tuugan eshlär tämam äk"tag" vä äbitär, dim: / İyam bash säzdägä: "Allahe hak! Allaha äkbär!" – dim*» («Всевышний! все, что ты запретил, ненужно и непригодно. / Склоняю голову в молитве: «Аллах истина! Аллах велик!») (Подстрочный перевод).

Этот новый по отношению к стихотворению Лермонтова смысл – результат смысловой интерференции, возникающий в процессе рецепции татарским поэтом стихотворения Лермонтова. В ее основе – онтологическое различие: у Лермонтова выражается восходящая к христианской идее («В начале было Слово, и Слово Было у Бога, и Слово было Бог») онтология Слова как тождественного Богу; у Тукая эта онтология слова не выражена, у татарского поэта наивысшим бытийным статусом обладает Аллах.

В стихотворении Тукая обращает на себя внимание художественное время, в котором находит отражение диалектика мгновения и вечности. Лирическая медитация разворачивается как движение чувств лирического героя от локальных, обусловленных жизненными невзгодами ситуаций (минут жизни) к вневременному переживанию величия Всевышнего. Чтение суры Корана выступает как преодоление эмпирического времени, которому на психо-эмоциональном уровне соответствует катарсис – душевное просветление и очищение лирического героя (на это в первую очередь указывает мотив слез).

Обратимся к началу стихотворения: «*Gomerneñ ij chiten, žaysyz, ungaysyz ber minutynda, / Ägär yañsam katy khäsrät vä kaygunyñ min utynda, / Ukyñ tiz-tiz küñeldän ber gažäib sürä Kor"ännän, – / Gazaplar mäğ"nävi ber kul ilän alynadyr žannan*» («В самые тяжелые минуты жизни, / Если я горю в огне горя и невзгод, / Читаю быстро про себя удивительную суру из Корана, – / С души, словно чьей-то рукой, снимаются страдания») (Подстрочный перевод).

Словосочетание «*ägär yañsam katy khäsrät vä kaygunyñ min utynda*» (досл. «если я буду гореть в огне горя и невзгод») не имеет однозначной временной манифестации: оно в равной степени может быть отнесено как к прошлому, так и к будущему. В таком случае вторая строфа, несмотря на то, что предикат выражен глаголом в настоящем времени («*ukyñ*» – «читаю»), логически к нему (настоящему) не привязана: это действие в равной степени может быть представлено и как уже совершившееся, и как совершающееся, и

как то, которое может совершаться в будущем. По сути, лирическая медитация разворачивается в этом стихотворении вне времени.

Такой способ художественного мышления может быть соотнесен с особенностями мышления на арабском востоке. А.В. Смирнов, указывая на различие между греческим (европейским) и арабским языковым и теоретическим мышлением, пишет: «Для греческого мышления основная оппозиция — бытие/становление. Бытие связано с неизменностью и истинностью вещи, с тем, что есть вещь как таковая, сама по себе. Истина здесь — это истина ставшей, бытийствующей вещи, истина, схватываемая в идее. А что такое становление и почему оно находится в оппозиции к бытию? Потому что оно связано со временем. Становление — это изменение во времени...»

В отличие от этого арабское языковое и теоретическое мышление понимает процесс как вынесенный за пределы времени. Процесс не «протекает» во времени» (Smirnov, 2010: 37-54).

Теперь обратимся к переводу стихотворения Тукая, выполненному известным переводчиком В. Думаевой-Валиевой: «*В мгновенье жизни роковое, когда горю я на огне, / И горе чёрною тоскою мне застилает свет в окне, / Читаю суру из Корана я быстро-быстро про себя, / И кровоточащая рана не садит сердце у меня. / И исчезают все сомненья, и, словно чистый жемчуг там, / Святые слёзы просветленья стекают по моим щекам. / Слова горячие имана тогда с моих слетают уст, / С души снимая мусульмана невыносимо тяжкий груз. / Склоняя голову в молитве, я говорю: "Во всех делах, / Во всех запретах справедлив Ты, Аллах акбар, велик Аллах!"*».

В переводе не выражена характерная для стихотворения Г. Тукая атемпоральность. «*Когда горю я на огне*» с точки зрения времени не то же самое, что «*ägär yañsam katy khäsrät vä kaygunuñ min utynda*»: русский вариант не указывает на вневременность, и это не «вина» переводчика, а проявление непереводимости.

Непереводимость возникает там, где переводчик в силу причастности к иной культуре, в которой действуют иные логико-смысловые отношения, не транслирует имеющиеся в оригинале смыслы. Можно перевести значение слова или предложения, но не их смысл. Поэтому текст, существующий в рамках иной (с точки зрения смыслопорождающих процедур) культуры, непереводим, в принципе.

В качестве примера обратимся к стихотворениям Г.Тукая «*Tugan avul*» («Родная деревня»), «*Közge žillär*» («Осенние ветры») и к переводам В.С.Думаевой-Валиевой. Переводчик – билингв, знающий языковые особенности двух культур, отношения между которыми должны в данном случае строиться по особой стратегии: не как оппозиция "свое" - "чужое", а как отношения "свое" - "свое". Однако языковая и этническая идентичность билингвальной личности не всегда определяется однозначно. Многое зависит не только от психологического чувства принадлежности к тому или иному этносу и отождествлению себя с ним, но и от включенности в ту культурную среду, в которой должен «жить» перевод. Писатель-билингв репрезентирует русским языком реалии своей культуры, при этом вычлняя смыслы, отраженные в оригинале, он достраивает эти смыслы до необходимой полноты уже в новой языковой системе с целью их адекватной передачи носителю русского языка.

В стихотворении Тукая «*Tugan avul*» проявляется нераздельность «я» и «мы», лирический герой идентифицирует себя в первой строфе со своим народом: «*Tau bashynda salyngandyr bezneñ avul, / Ber chishmä bar, yakyn bezneñ avylga ul / Aulybeznyñ yamen, suy tämen bel äm, / Shujar kürä söyäm žanym-tänem belän*» («Наша деревня заложена на холме / Невдалеке от деревни течет ручей; /

Знаю красоту деревни, вкус воды, / Поэтому и люблю всей душой ее (Подстрочный перевод)) (Тукая, 2011: 55). Осознание своей неразрывной связи с родным аулом определяет содержание глубокого, эмоционально насыщенного, личного переживания лирического «я». Между «я» и «мы» устанавливаются отношения тождества, единства, нераздельности.

Думаева-Валиева называет стихотворение «Родной аул», в ее переводе уже в первой строфе акцентируется внимание на «я» (на горе был построен родной мой аул), переводчик снимает важную составляющую стихотворения Тукая, а именно бытийно-субъектное взаимопроникновение «я» и «мы» (татарского народа). Начальные строки оригинала могли быть приложимы к любому представителю татарской нации – выходцу из деревни. Перевод не передает характерную для оригинала субъектную структуру.

В стихотворении «Közge žilläg» Тукая также важна связь лирического субъекта с нацией, лирический герой (мин) связывает конкретные жизненные невзгоды с вневременными, масштабность и глубину переживаний поэта передает метафора «*il žylyu*» (страна плачет). Думаева-Валиева переводит метафору «*il žylyu*» в первом и последнем бейтах по-разному: 1 – «*это по себе деревня в страхе плачет*», 2 – «*и в страхе люди плачут*», тем самым разрушая смысловой центр стихотворения татарского поэта. Переводчик, сохраняя смысл фразы, создает «новое высказывание» (об этом писал мэтр арабской риторики ал-Джурджани), а не перевод (в арабской поэтике под словом тарджама (перевод) подразумевают «эквивалентную передачу высказывания на другом языке» (Chalisova – Smirnov, 2000: 54)).

Таким образом, в процессе перевода рождается художественный текст с новыми качествами, которые носитель языка может оценивать как отклонение от нормы, тогда как такой текст является особым видом ментальной деятельности билингва. Смыслы, заключенные в речевых произведениях на родном для переводчика языке, воспринимаются через призму доминирующего в процессе перевода языка и культуры, таким языком, как правило, становится язык перевода. Как писал П. Тороп: «Перевод по типу более рациональный текст, чем подлинник, интуиция автора становится знанием (или непониманием) переводчика, имплицитные свойства текста часто нуждаются в экспликации» (Тороп, 1995: 67). Непереводимость имеет отношение к сознанию, невозможность установить эквивалентность языковых элементов связывается с невозможностью отослать к чему-то единому, одинаковому для всех.

В переводах Думаевой-Валиевой идентичность не растворяется в содержании знаковой памяти, а обретает новую форму в знаках переводящего языка.

Заключение

Идентичность в литературном произведении – это манифестируемое и переживаемое автором отношение к другому, проявляющееся как тождество/различие с ним. Это отношение специфично для литературных форм (нетождественность автора герою в эпике и нераздельность/неслиянность в лирике) и устанавливается в результате анализа субъектной организации произведения.

Национальная идентичность является эстетически имманентным фактором литературного произведения, определяющим его архитектуру и композицию. Она может быть предметом художественного изображения и рефлексии лирического «я».

Проблемное поле понятия «идентичность» в компаративистике охватывает явления, возникающие, прежде всего, в зоне контакта между

национальными литературами (читательская рецепция, перевод). Идентичность проявляется как столкновение двух систем (произведений, литературы) и обнаруживает себя в феноменах, отражающих контраст между ними: смысловая интерференция, возникающая в процессе рецепции инолитературного текста, непереводаемость.

References

- BAKHTIAROVA, CH. 1964. Obnovlenie natsionalnoi traditsii // Natsionalnoe i internatsionalnoe v literature i iskusstve: sb.st. M.: Mysl', pp. 224-261.
- BAKHTIN, M. 1986. Avtor i geroi v esteticheskoi deyatel'nosti // Bakhtin M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo. 445 p.
- BROYTMAN, S. 2003. Lirika v istoricheskom osve shchenii // Teoriya literatury. T.3. Rody i zhanry. M., pp. 421 – 467.
- CHALISOVA, N.Yu. – SMIRNOV, A.V. Podrazhaniya vostochnym stixotvortsam: vstrecha russkoy poezii i arabo-persidskoy poetiki // Sravnitel'naya filosofiya. M.: Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, pp. 245-344.
- CULTURE ET identité en Europe centrale: canons littéraires et visions de l'histoire / ouvrage publié sous la direction de Michel Maslowski, Didier Francfort et Paul Gradwohl; en collaboration avec Anne Necessian et Clara Royer. Paris: Institut d'études slaves; Brno: Masarykova univerzita, 2011. 660 p.
- DAVIDSON, O.M. 2013. Comparative literature and classical Persian poetics. Boston. 126 p.
- DOUGLAS W. BLUM. 2007. National identity and globalization : youth, state, and society in post-Soviet Eurasia. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 225 p.
- GACHEV, G.D. 1998. Natsional'nye obrazy mira: Kurs lektsiy. M.: Izdatel'skiy centr «Akademiya». 430 p.
- GALIEVA, A.M. – NAGUMANOVA, E.F. 2013. Osobennosti peredachi natsional'no-spetsificheskikh kontseptov v perevodnykh tekstakh (na primere kontsepta Moř // Uchen. zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanit. nauki. T. 155, kn. 2. Kazan, pp. 245-252.
- IBRAGIMOV, M.I. 2013. Identichnost' v literature (na material tatarskoi poezii XX v.) // Filologia i kultura (Philology and Culture). № 1 (31). Kazan, pp. 151-154.
- IDENTITÉ littéraire de l'Europe, 2000. P., P.U.F. 224 p.
- IDENTITIES in process: studies in comparative literature / edited by Eduardo F. Coutinho. International Comparative Literature Association. Congress (18th: 2007: Federal University of Rio de Janeiro) Rio de Janeiro : Aeroplano Editora, 2009. 422 p.
- ISER, W. 1976. Der Akt des Lesens: Theorie ästhetischer Wirkung. München. 306 p.
- ISKHAKOVA-VAMBA, R. Muzyka v zhizni G.Tukaya [online] Rezhim dostupa: <http://gabdullatukay.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=815&Itemid=55>.
- KORMILOV, S.I. 2007. Svoeobrazie russkoy literatury i problema ee natsionalnoy identichnosti // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. № 1 – 2, pp. 8-21.
- MADELENAT, D. 2000. Comment écrire l'histoire de la littérature comparée // Revue de la littérature comparée. N 3.
- SAFIULLIN, Я.G. 2010. Identichnost' literaturnaya // Teoriya literatury: slovar' dla studentov. Kazan: Kazan. un-t, pp. 29-31.
- SMIRNOV, A.V. 2010. Mozhno li strogo govorit' o neperevodimosti? // Gumanitarnye chteniya RGGU-2009 // Teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya. Gumanitarnoe znanie i obrazovanie: Sb. materialov. M.: RGGU, pp. 37-54.
- TATARSKIY entsiklopedicheskiy slovar', 1999. – Kazan: In-t Tatar. entsikl. Akad.

nauk RT. 690 p.

THE PAINFUL chrysalis: essays on contemporary cultural and literary identity / Juan Ignacio Oliva, (ed.). Bern; New York: Peter Lang, 2011. 276 p.

TOROP, P. 1995. Totalnyi perevod. – Tartu: Izd-vo Tartuskogo un-ta. 220 p.

Traditionnel, identité, modernité dans les cultures du sud-est européen: la littérature, les arts et la vie intellectuelle au XXe siècle: actes du colloque international bulgare-français, 1er-2 octobre 2004, Sofia. Arras: Artois presses université; Sofia: Institut d'études balkaniques, 2007. 367 p.

TUKAYI, G.M. 2011. Äscärlär: 6 tomda / Gabdulla Tukai. Akademik basma. – 2 T.: Shigri äsärlär (1909-1913). 383 p.

ZHIZHINA, A.D. 1981. «Molitva» // Lermontovskaya entsiklopedia. M., p. 283.

Words: 3416

Characters: 26 563 (14,76 standard pages)

*Assoc.Prof. Venera R. Amineva, Doctor of Philology
Department of Russian literary and methods of teaching
Kazan Federal University
18, Kremlyovskaya St.
420008 Kazan
Russia
amineva1000@list.ru*

*Assoc. Prof. Marsel I. Ibragimov, PhD (Philology)
Department of Russian literary and methods of teaching
Kazan Federal University
18, Kremlyovskaya St.
420008 Kazan
Russia
mibragimov1000@mail.ru*

*Assoc. Prof. Elvira F. Nagumanova, PhD (Philology)
Department of Russian literature and teaching techniques
Kazan (Volga region) federal university
18, Kremlyovskaya St.,
420008 Kazan
Russia
ehlviran@yandex.ru*

*Assoc Prof. Alsu Z. Habibullina, PhD (Philology)
Department of Russian literature and teaching techniques
Kazan (Volga region) federal university
18, Kremlyovskaya St.
420008 Kazan
Russia
alsu_zarifovna@mail.ru*